

ЗМЕЕВКА

— ГОЛОС ЛЕСА —

18+

АНАСТАСИЯ САМОФЕЕВА

Анастасия Самофеева
Змеевка. Голос леса

«Автор»

2026

Самофеева А.

Змеевка. Голос леса / А. Самофеева — «Автор», 2026

После ночи, которая едва не стоила ей жизни, девятнадцатилетняя Ника наконец решается уйти из дома и начать всё сначала. Но в это же время из Змеевки приходят письма от Тимофея. Он пишет о деревне, из которой не может выбраться, и признаётся Нике в том, о чём она сама давно боялась сказать вслух. Она знает, что ехать туда опасно. Знает, что Тим не хотел бы видеть её в Змеевке. И всё же садится в автобус. Только встреча происходит совсем не так, как Ника представляла. К её приезду Тимофей пропадает в лесу. Теперь, чтобы найти его, Нике придётся отправиться туда, откуда даже местные возвращаются не всегда. В лес, о котором в Змеевке предпочитают лишний раз не говорить. Но лес Змеевки приготовил для Ники совсем не ту встречу, ради которой она сюда приехала.

© Самофеева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анастасия Самофеева

Змеевка. Голос леса

Глава 1

Я поняла, что мать снова пьяна, ещё до того, как она открыла дверь. Ключ долго царапал замочную скважину, то попадал внутрь, то снова соскальзывал, ударяясь о металл с таким раздражающим звоном, будто дело было не в руке, которая никак не могла справиться с простейшим движением, а в самой двери, упрямо не желавшей впускать. Потом снаружи послышалось невнятное ругательство, ручка дёрнулась, и дверь наконец распахнулась, ударившись о стену.

Я сидела на кухне, поджав под себя одну ногу, и читала письмо Тимофея. Бумага уже успела истрепаться на сгибах. За последние дни я доставала её столько раз, что могла дословно вспомнить отдельные строки, но всё равно возвращалась к ним, водила пальцем по неровным строчкам и пыталась представить его за столом в маленькой деревенской комнате. Как он склоняется над листом, хмурится, подбирая слова, проводит ладонью по коротким рыжим волосам, когда начинает нервничать.

В письме было много странного. Тим писал о деревне, в которой не было связи, о непривычной тишине, о местных жителях и о старом пруде неподалёку от дома. Иногда между строк проступала тревога, хотя он старался говорить обо всём спокойно, словно боялся показаться смешным или напугать меня без причины.

И всё же письмо радовало. Оно было настоящим — бумажным, с марками и его почерком, — и от одного этого казалось, будто между нами протянулась тонкая нить, которую не могли оборвать ни расстояние, ни отсутствие связи, ни эта странная деревня с названием Змеевка.

Я как раз перечитывала место, где Тим писал, что часто вспоминает наши разговоры, когда мать вошла на кухню. От неё тянуло алкоголем, табачным дымом и сладкими духами, которыми она всегда пыталась заглушить запах выпивки.

Волосы растрепались, тушь размазалась под одним глазом, застёжка на сумке осталась открытой, и из неё выглядывал смятый магазинный чек. Она остановилась в дверях и некоторое время просто смотрела на меня.

Я поспешно сложила письмо.

— Чего это ты улыбаешься? — спросила она.

Голос звучал вязко, но пока ещё спокойно. Именно это было хуже всего. Когда она сразу начинала кричать, хотя бы не приходилось гадать.

Тихий голос означал, что злость только ищет, за что зацепиться.

— Ничего, — ответила я. — Письмо читала.

— Какое ещё письмо?

— От друга.

Мать медленно поставила сумку на стол. Та опрокинулась, и на клеёнку высыпались ключи, помада и несколько монет.

— От какого друга?

— Из университета.

Я старалась отвечать ровно, не слишком быстро и не слишком медленно. Не смотреть вызывающе, но и не опускать голову так, будто признаю вину. Не улыбаться. Не хмуриться. Не вздыхать. Не двигаться резко.

Каждый разговор с ней давно превратился в хождение по тонкому льду, где не существовало правильного ответа.

— Парень? — спросила она.

Я промолчала лишь несколько секунд, но ей этого хватило.

— Что ты на меня так смотришь?

— Я никак не смотрю, мам.

— Вот. Опять.

Она прищурилась, и в её лице произошло едва заметное изменение. Только что перед ней сидела я, её дочь, а теперь будто появился кто-то другой — человек, которого она ненавидела гораздо сильнее.

— Точно так же молчал, — произнесла она. — Смотрел своими честными глазами и молчал, будто я дура и сама ничего не понимаю.

— Мам, я просто письмо читала.

— У тебя даже глаза его.

Она подошла ближе. Я невольно вжалась спиной в стену.

— И рот, — продолжила она, разглядывая меня так пристально, словно пыталась найти под кожей чужие черты.

— Особенно когда улыбаешься. Один в один. Такая же улыбочка. Будто ты лучше всех вокруг.

— Я так не думаю.

— Конечно. Он тоже никогда так не думал. Он вообще ничего плохого не делал. Просто в один день собрался и ушёл. Оставил меня здесь одну. С тобой.

Последние два слова она произнесла с особой тяжестью. Будто я была не ребёнком, которого отец тоже бросил, а частью наказания, оставленной ей на память.

— Я не виновата, что он ушёл, — сказала я.

Фраза вырвалась сама. Слишком быстро. Слишком прямо.

Мать замерла. На мгновение я увидела в её глазах не злость, а почти трезвое удивление. Потом губы искривились.

— Что ты сказала?

Я сразу поняла, что нужно было промолчать. Извиниться. Сделать вид, что она ослышалась. Но слова уже прозвучали и остались между нами.

— Я сказала, что не виновата.

Пощёчина оказалась такой сильной, что голова резко дёрнулась в сторону, а перед глазами вспыхнул белый свет.

Я не сразу почувствовала боль. Сначала был только оглушающий хлопок, звон в ушах и вкус крови на губах. Потом щёку обожгло, будто к ней приложили раскалённый предмет.

Я отшатнулась, цепляясь рукой за край стола.

— Не виновата она, — прошипела мать. — Конечно, не виновата. Никогда ни в чём не виноваты. Ни он, ни ты.

— Мам, хватит...

Она ударила меня ногой под колено. Нога подломилась, и я рухнула на пол, больно ударившись бедром о край табурета.

Письмо Тимофея соскользнуло со стола и упало рядом, раскрывшись посередине.

Я увидела его почерк. Всего на секунду. Потом первый удар пришёлся в бок.

Воздух вырвался из лёгких, и я согнулась, прижимая руки к животу. Мать что-то кричала, но слова смешивались со звоном в голове. Я попыталась подняться, отползти, дотянуться до стола, но следующий пинок отбросил меня обратно.

— Такая же, как он!

Удар.

— Он бросил меня!

Ещё один.

— И ты бросишь!

Я закрыла голову руками и свернулась на бок, стараясь защитить живот коленями, но мать била туда, куда могла достать. По рёбрам, по бедру, по спине.

Каждый удар отдавался внутри горячей вспышкой, и вскоре я уже не понимала, где заканчивается одна боль и начинается другая.

— Ненавижу тебя! — кричала она. — Ненавижу, когда ты так смотришь! Ненавижу, что ты на него похожа!

Я хотела позвать на помощь. Но губы не слушались, а из горла вырывался только слабый хрип. Мать ударила меня ещё раз.

— Лучше бы ты сдохла!

Пинок пришёлся в живот. Я задохнулась и попыталась отползти.

— Сдохла!

Ещё один удар.

— Сдохла!

Последнее слово будто разорвало что-то внутри, и кухня исчезла. Не сразу. Сначала расплылся свет под потолком. Потом лицо матери стало далёким, чужим, лишённым ясных очертаний. Я ещё слышала её голос, но он доносился словно через толщу воды. Затем не осталось ничего.

Я приходила в себя несколько раз. На короткие мгновения.

Сначала почувствовала холодный пол под щекой и запах пыли. Где-то работал телевизор, и незнакомые люди за стеной громко смеялись над чем-то, будто в квартире не произошло ничего страшного.

Потом снова провалилась.

В другой раз увидела ножку стола и лежавшее рядом письмо. На краю листа остался грязный след от подошвы. Я хотела протянуть руку, но пальцы не двигались.

Потом стало темно.

Когда сознание вернулось окончательно, на кухне было темно. В окно проникал слабый свет уличного фонаря, и по стене тянулась бледная полоса.

Несколько секунд я не понимала, где нахожусь и почему лежу на полу. Потом попыталась вдохнуть глубже, и боль в левом боку напомнила обо всём сразу.

Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Каждый вдох словно раздвигал внутри острые осколки. Низ живота ныл, щека распухла, во рту чувствовался металлический привкус. Одна нога почти не слушалась, а перед глазами плавали тёмные пятна.

На микроволновке светились цифры: 01:08. Я пролежала на кухонном полу несколько часов.

Мысль была простой и страшной, но я не позволила себе задержаться на ней. Если начать думать, что могло случиться, если бы удар пришёлся сильнее, если бы я не закрыла голову, если бы мать не остановилась...

Из комнаты доносился тяжёлый храп. Она спала.

Я медленно перевернулась на живот и попыталась подняться, но руки задрожали и подогнулись. Пришлось ползти. До ванной было всего несколько метров, однако каждый из них казался отдельной дорогой.

Я цеплялась пальцами за линолеум, подтягивала тело вперёд и старалась не обращать внимания на то, как от движения вспыхивает боль в боку.

В коридоре пришлось остановиться. Я лежала, прижав лоб к полу, и считала вдохи. Один. Ещё один. Ещё. Главное — не потерять сознание снова. Главное — добраться до двери.

Я не знаю, сколько времени прошло, прежде чем пальцы коснулись холодной плитки. Я подтянулась, ухватила за край ванны и кое-как встала на колени. Потом закрыла за собой дверь и повернула щеколду.

Тихий шелчок прозвучал как спасение. Сюда она не сможет войти сразу. Сначала придётся стучать, кричать, ломать дверь. А я успею проснуться. Успею понять, что происходит.

Я сползла по стене на пол. Плитка была ледяной даже сквозь платье, но мне не хотелось двигаться. В ванной пахло сыростью, стиральным порошком и старым мылом. Из крана капала вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Каждый звук был слишком громким.

Я посмотрела на себя в зеркало и почти сразу отвела глаза. Левая щека распухла и покраснела. В уголке рта засохла кровь. На боку уже проступали тёмные пятна, сливающиеся в один большой уродливый след. Смотреть на него было страшно — казалось, это не синяк, а отпечаток ненависти, который останется на мне навсегда.

Я осторожно провела ладонью по рёбрам и тут же зажмурилась. Надо было ехать в больницу. Надо было вызвать скорую. Надо было сделать много правильных вещей, но в тот момент я могла только сидеть на полу и слушать, как капает вода.

Телефон всё ещё лежал в кармане платья. Экран треснул в углу, но включился. Я открыла список контактов. Первой увидела Свету.

Палец завис над её именем. Позвонить ей среди ночи означало снова признаться, что всё повторилось. Снова услышать встревоженный голос. Снова увидеть, как она смотрит на мои синяки, стараясь не показать ни жалости, ни злости.

Она предупреждала меня. Предлагала переехать. А я каждый раз отвечала: всё наладится, маме просто плохо, она не виновата — это отец её сломал.

Он ушёл, оставил нас, и после этого она начала пить всё чаще. Сначала по праздникам, потом по выходным, затем уже каждый день. Я долго думала, что, если он вернётся или хотя бы позвонит, всё изменится.

Мама снова станет прежней. Той, которая сидела за моей спиной и осторожно разделяла волосы на три пряди. Я вдруг вспомнила её руки — тёплые, пахнущие кремом.

Мне было лет шесть. Я сидела перед зеркалом в новом платье, болтала ногами и жаловалась, что она слишком туго затягивает косы.

— Красота требует терпения, — смеялась мама.

— Зато посмотри, какая принцесса. Она завязала на концах белые банты, наклонилась и поцеловала меня в макушку.

— Моя самая красивая девочка, самая любимая.

Я помнила эти слова. Именно они каждый раз возвращали меня домой.

Если она однажды так говорила, значит, где-то внутри всё ещё любит меня. Просто сейчас ей больно и она не справляется. Ведь каждый раз, когда она смотрит на меня, видит отца и вспоминает, как он ушёл.

Она злится не на меня. Я повторяла это столько лет, что фраза стала похожа на молитву. Но тело болело у меня. Кровь была на моих губах. На холодном полу сидела тоже я.

Слёзы потекли сами собой. Сначала я плакала тихо, почти беззвучно, но потом дыхание начало срываться. Я прижала ладонь ко рту, чтобы не разбудить мать, но рыдания всё равно прорывались наружу короткими болезненными толчками.

Всё тело дрожало. Каждая судорога отзывалась в боку, и от боли я плакала ещё сильнее, согнувшись почти пополам.

Мне хотелось к маме. Не к той женщине, которая спала сейчас за стеной. К другой. К той, что заплетала косы, называла меня принцессой и говорила, что я дороже жизни.

Мне хотелось отыскать её под слоями всего, что накопилось за эти годы, и вытащить наружу — из алкоголя, злости, унижения и воспоминаний об отце. Хотелось поверить, что если я ещё немного потерплю, стану тише, мягче, правильнее, она однажды проснётся, увидит меня и ужаснётся тому, что сделала.

Я открыла переписку со Светой. Было 03:46.

Почти три часа я просидела на полу, то плача, то проваливаясь в короткое забытье, то просто глядя на экран и не решаясь написать.

Пальцы дрожали и плохо попадали по клавишам. Я начала с самого простого.

03:46

Светик, привет. Могу я к тебе сегодня прийти и остаться с ночёвкой?

Мне кажется, ещё одну такую ночь я не перенесу. Мать опять напилась и избила меня.

У меня гематома почти по всему левому боку, даже дышать больно.

Я отправила сообщение и долго смотрела на него. Рядом появилась одна маленькая галочка. Света, скорее всего, спала.

Это было нормально. Люди должны спать по ночам, а не ждать, когда подруга снова напишет.

Но, начав, я уже не могла остановиться.

03:51

Я сейчас сижу на полу в ванной. Тут холодно, плитка ледяная, но здесь хотя бы можно закрыть дверь.

Вода капает из крана, и этот звук сводит с ума.

Я чувствую себя как в клетке, где всё ломается: и вещи, и люди.

Капля сорвалась снова. Я подняла голову и посмотрела на кран.

Кап.

Будто кто-то отсчитывал время до утра.

03:58

За что она так со мной?

Я всё время думаю, что, если буду тише, аккуратнее, лучше, она изменится. Но ничего не меняется.

Слёзы душат, а пальцы дрожат, и я с трудом печатаю сообщение.

Боль по всему телу, а ещё хуже — боль внутри. Она жжёт и опустошает, превращает любовь в ненависть. Я не могу уснуть.

Я перечитала последнюю фразу. Превращает любовь в ненависть.

Но я не ненавидела мать. Как бы сильно ни хотела. Во мне была злость, страх, обида, желание убежать, но под всем этим всё ещё жила любовь — глупая, детская, упрямая. Та самая, которая заставляла годами ждать, что мама вернётся.

Иногда мне казалось, что именно эта любовь и держит меня здесь крепче любых замков.

04:12

Прости, что пишу тебе посреди ночи. Мне просто больше некому.

Я смотрю на свои вещи и думаю: неужели это и есть вся моя жизнь?

Комната, где страшно. Дом, который не дом. Люди, от которых ждёшь тепла, а получаешь удары.

Я закрыла глаза. Передо мной почему-то возник Тимофей.

Даже не настоящий, а такой, каким я представляла его совсем недавно: сидящий где-то в Змеевке за старым столом, окружённый тишиной, которую описывал в письме.

Наверное, там тоже была ночь. Возможно, он не спал. Может быть, думал обо мне. От этой мысли стало немного легче.

С Тимом всё всегда было проще. Он не требовал рассказывать то, к чему я не готова. Не задавал вопросов, от которых хотелось исчезнуть. Если замечал, что мне тяжело, просто оставался рядом, словно этого было достаточно.

Я вспомнила о письме, оставшемся на кухне. Надо было забрать его с пола. Я не могла допустить, чтобы мать утром нашла его и прочитала. Но выйти из ванной пока не решалась.

04:21

Я так хочу спокойной жизни, Свет.

Не идеальной, не богатой. Я хочу просто учиться и не бояться возвращаться домой.

Хочу гулять с друзьями и не выдумывать причины, почему не могу остаться допоздна.

Хочу обычных вечеров. Хочу чай на кухне, тёплый свет лампы, тишину без напряжения.

Обычная жизнь казалась чем-то почти неприлично роскошным.

Никто не прислушивается к шагам в коридоре. Никто не пытается по звуку ключа определить, в каком состоянии вернулся близкий человек. Можно оставить кружку на столе, не боясь, что она полетит в стену или в голову. Можно улыбнуться письму, и никто не превратит эту улыбку в обвинение.

04:29

Помнишь, я рассказывала тебе о парне? О Тиме.

Я получила от него письмо. Настоящее, бумажное. Конверт, марки — всё как будто из другой жизни.

Он сейчас в деревне Змеевке, без связи, и пишет обо всём, что видит.

Я улыбнулась, хотя распухшая губа сразу отозвалась болью. Имя Тимофея само по себе было тёплым.

04:34

Мне кажется, он хочет признаться мне в чувствах.

И я ловлю себя на том, что улыбаюсь, читая его строки. Но потом смотрю на свои синяки — и улыбка исчезает.

Как я могу впустить кого-то в свою жизнь, если мне стыдно за неё? Как рассказать правду, не разрушив всё?

Я представила, что однажды рассказываю ему. Не отдельными намёками, а прямо и обо всём сразу.

Я словно увидела выражение его лица: сначала тревогу, потом жалость, а затем, возможно, понимание, что со мной слишком тяжело. Что за мной тянется чужая грязь, чужое пьянство, чужая ненависть. Что нормальному человеку проще держаться подальше.

Если меня не смогла полюбить собственная мать, почему должен был полюбить он? Чужой человек. Не связанный со мной ничем.

Отец ушёл, хотя я была его дочерью. Мать ненавидела меня, хотя родила. Почему Тим должен был остаться?

04:49

Иногда мне кажется, что я не имею права на счастье. Что сначала нужно всё пережить, вытерпеть, заслужить.

Но разве так должно быть? Разве жизнь — это только выживание?

На этот вопрос я не знала ответа. В моей жизни всё хорошее всегда приходило с условием.

05:07

Как думаешь, у нас с Тимом может что-то получиться?

Я боюсь надеяться. Но ещё больше боюсь остаться здесь навсегда — в этих стенах, в этом круге ада.

Во мне будто просыпается что-то новое. Желание не просто убежать, а жить по-настоящему.

За окном начало светлеть. Сначала серой стала щель под дверью. Потом холодный утренний свет лёг на плитку и сделал всё вокруг резче: трещину возле ванны, капли на кране, пыль на плинтусе, мои босые ноги.

Я поднялась, держась за край раковины, вышла из ванной и раздвинула штору на кухне. Подобрала письмо с пола.

Рассвет был бледным, почти бесцветным. Солнца ещё не было видно, но тьма уже отступала, и из предрассветного сумрака медленно проступали крыши, деревья, припаркованные машины.

Обычный город просыпался. Для миллионов людей начинался самый простой день, в котором не было ничего особенного.

Мне вдруг отчаянно захотелось стать одной из них. Просто человеком, который просыпается утром, идёт умываться, а потом завтракать.

Я снова взяла телефон.

05:38

Светает. Солнце встаёт тихо, упрямо, несмотря ни на что.

А ведь оно светит и для меня тоже, да?

Я хочу другую жизнь. Где свет по утрам означает начало, а не просто новый день боли.

Я помедлила и написала ещё одну строку:

Новый день. Новая я. Надеюсь, мы увидимся сегодня.

Сообщение ушло. А я ощущала острую потребность жить нормально.

Солнце медленно поднималось над домами, равнодушное к тому, что произошло ночью, и всё же его свет действительно падал и на моё окно. Даже на моё.

Я не знала, хватит ли мне этой мысли, когда мать про

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.